

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ

«Наша эра»: в поисках присвоенного времени

1699 год — самый короткий год в истории — российский вклад в сокровищницу курьезов христианского летоисчисления. Согласно указу царя Петра I, Россия перешла на европейскую систему отсчета времени, а потому в 1700 году гражданское новолетие было перенесено на 1 января. Смена геополитических ориентиров обошлась Государству Российскому в несколько непрожитых месяцев одного года: воля императора укоротила его втрое. Предпоследний год XVII века длился всего 4 месяца. Наравне с гражданскими учреждениями, армией и церковью время стало объектом модернизационных мероприятий власти. В реформировании времени Петр не был первопроходцем: три столетия назад, в памятный 7000 год от «сотворения мира» (1492 г.), церковная власть уже переносила начало года с 1 марта на 1 сентября. Календарь безропотно обслуживал актуальные нужды светских и духовных властей. Легкость, с которой распоряжаются важнейшей координатой бытия, заставляет задуматься о характере, форме и цели подобных темпоральных трансформаций.

Среди операций, совершаемых человеком над временем, особый интерес представляют его присвоение, осовременивание и обновление — сценарии, эмблематичные для европейской культурной традиции уже с ранних христианских календарных практик. Христианская цивилизация изначально была ориентирована на радикальную реконструкцию мира, а потому и время должно было быть обжито и обустроено заново. Возвращение к этой системе координат позволит увидеть смысловое и ценностное содержание, сокрытое в избитой и затертой формуле «наше время», «наша эра» (*nostrum aevum*), из которой творится европейская культура в ее темпоральной конституции.

Календарь силой своего рационального устройства, порядка счета укоротит и отмеряет время, давая возможность точной датировки и уверенность в стабильности действительности. И все же календарные гарантии незыблемости миропорядка не абсолютны: он не только не отменяет, а, возможно, даже усиливает эмоциональное ожидание грядущего в его поливариативности и чудесности.

Европейская система летоисчисления, привязанная к христианскому нарративу, столь же амбивалентна: будучи в первую очередь временем, рожденным из «священной истории», она сакральностью евангелических событий открывает возможность для бытия профанной истории. Само историческое

время запускается ходом событий исключительных. Метаистория определяет логику разворачивания истории. Повседневность и ее структуры обретают новый смысл на фоне вневременных, фундаментальных действий, пасхальных и рождественских таинств. Прежде всего речь идет о Пасхалии, вычисления правил которой позволили установить единую эру от Рождестве Христова — «нашу эру» или «наше время». Это акт двойного присвоения времени: с одной стороны, это эпоха Спасителя («от Р. Х.»), с другой — время, дарованное человечеству для Спасения, которое еще предстоит освоить («наша эра»).

Время с этих пор перестает быть «ничьим». Оно приобретает «хозяйина», становится «нашим», обжитым, комфортабельным. Обустройство «своего» времени стимулирует обильную рационализацию календарных практик. Одновременно с присвоением, время обновляется, осовременивается, становится разменной единицей в событийном ряду, выходящем за границы мирской длительности (воскрешение, открывающее путь к вечности). Мы имеем дело с корпусом микро- и макроманипуляций временами. Став объектом постоянных пертурбаций, время становится человеческим, слишком человеческим. Оно перестает принадлежать себе, становясь заложником чудесных превращений или дискурсивной производной от радикальных перемен его прочтения.

Правила прочтения времени, контроль за его ходом и системами отчета — неотъемлемая составляющая политического проекта упорядочивания реальности. История взаимоотношения власти и времени — это история присвоения и покорения последнего, путь от древней астрономии и астрологии египетских жрецов, персидских магов, римских понтификов и библейских волхвов, занимавшихся фиксацией и прогнозом внешних темпоральных длительностей, их оглашением и символизацией до прямого подчинения времени институтам власти.

Для архаической традиции характерна модель взаимоотношения власти и времени, реализуемая в ритуале «встречи»: время приходит «само» в мир и открывается через посвященного в его тайны. Оно являет себя через внешние знаки (движение небесных светил, сезонные климатические изменения и т.д.) и должно быть прочитано. Медиум-прорицатель, ведающий астрономическими наблюдениями и математическими расчетами, оказывается в состоянии лишь соответствовать, угадывать, предсказывать само явление «прихода» или «наступления» времени, но не влиять на него. Он делает очевидным факт всевластия времени, но сам над временем не властен. Астрология представляет собой систему знаний, которая закрепляет пассивное сосуществование человека в мире макроскопического времени. Главная задача экспертов по времени в этой системе координат — синхронизировать поступки людей и течение времени. Жесткая привязанность древних календарей к природным периодам, вегетативным циклам и аграрным практикам определило созерцательный, «ожидательный» характер взаимодействия человека и времени.

Кульминацией пассивного прозябания человека в мире, порядок которого определяет незыблемый ход времен, стало изобретение древнегреческим астрономом Метонем «вечного» календаря в 433 г. до н. э. Метон открыл факт совпадения Нового лунного года и дня весеннего равноденствия через каждые 235 лунных месяцев, то есть через 19 лет. Знание об этом позволяло провести радикальную синхронизацию: совместить две системы ле-

тоисчисления — лунную и солнечную, что делало ненужными постоянные расчеты. После того, как универсальный порядок времени был обнаружен, было достаточно лишь составить таблицу дней всех лунных месяцев и связать с ними положение Солнца и Луны. Популярность данного девятнадцатилетнего цикла, названного «Метонимовым», была настолько велика, а удобство от использования столь очевидно, что каменные столбы с календарем соседствовали в античных городах со стелами и каменными таблицами, которые содержали юридические положения и предписания. Время соседствовало с законом, по сути время само стало частью закона, определяющего и индивидуальную судьбу человека и жизнь социальной общности.

Кратический потенциал времени не мог остаться невостребованным. Те, кто еще вчера безропотно подчинялся его неумолимой силе, сегодня мечтали об освоении его символического ресурса. Покорение времени началось со слова: нарратив определял логику последовательности, а хронологические таблицы — длительность. Провозглашение времен — основа декларативных отношений между властью и временем, прочитанным как вечность или как история. Уже в первых декларациях различимы очертания грядущих проектов присвоения, освоения и осовременивания времени как такового.

Кто отмеривает время, тот и извлекает из него выгоду. Древняя римская история дает многочисленные примеры политико-экономического лукавства в обхождении со временем. Несовершенство календарной системы, привязанной к лунному циклу, вызывало регулярное смещение начала года. Дабы избежать этого неприятного явления, намекающего на зыбкость порядка мира, римскими понтификами был введен в календарь один дополнительный месяц — марцедониус (от лат. глагола «марцеве» — увядать), который появлялся каждые два года следуя за февралем (февруариусом). Так как его длина была непостоянной, то и число дней его составляющих было произвольным, компенсирующим несовершенство календаря. Это спровоцировало власть на маленький темпоральный произвол: с конца II века до н.э. возникла и получила распространение практика полуподпольной торговли римскими понтификами днями марцедониуса. Эта поразительная вольность в обращении со временем позволяла сокращать длительность полномочий неудобных консулов, а полномочия «понимающего» и щедрого к служителям богов продлять и растягивать, отсрочивать или интенсифицировать расплату с кредиторами, манипулировать сроками сбора налогов. Время начинало приносить ощутимую выгоду.

В описанной системе отношений время лишь минимально «присвоено», а вернее «освоено» властью. Это, скорее, азартная игра на деньги, а не полное владение. Элиас Канетти описывая статус времени в иерархии властных отношений замечает: «Порядок времени играет в политических структурах важнейшую роль: он является “первым атрибутом любой формы господства”. Повтор как цикл напрямую связан с манипуляцией именем и производит необратимое воздействие»¹. Что такое «манипуляция именем», прекрасно продемонстрировал известный реформатор римского календаря Гай Юлий Цезарь (выполнявший по совместительству функции императора и верховного понтифика одновременно).

¹ Элиас Канетти. Масса и власть. М., 1997. С. 425.

Используя свое тотальное политическое влияние, деятельный император подвергает экзекуции календарное время с целью его исправления. Следуя советам и наработкам египтянина Созигена, Юлий Цезарь переносит начало Нового года на 1 января, дату для Рима весьма удачную, так как она является порогом отчета времени после вступления в должность новоизбранных консулов. Вписывание астрономического времени в систему республиканских инаугурационных координат дало не только самый длинный год в европейской истории («*annus confusiosus*», «год великого замешательства» равнялся 455 дням), но и современный порядок календаря.

Политическая воля и государственная целесообразность не только овладели временем с целью его оптимизации и исправления, но и не забыли закрепить имя «властелина времени» в переименованном месяце — квинтилис получил новое обозначение как июль, «Юлиус». Это был первый, но не последний в европейской практике проект тотального подчинения времени властным институциям. Новый формат взаимоотношений времени и власти, заданный юлианским календарем, нашел продолжение в «никейской формуле» летоисчисления, подвергся модернизации через «григорианское опровержение» «никейской формулы» и достиг своего апогея в революционных календарях — французском и большевистском.

Укращение времени в ходе манипуляций с именами — важный инструмент структурирования времени, механизм превращения его из природного в культурное. Одной из принятых официально форм летоисчисления в республиканском и имперском Риме было исчисление по консулам. Сохранился список консулов за 1050 лет (с 509 года до н.э. до 541 года н.э.). Время маркируется республиканскими именами первых консулов Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина. Перестав быть «царским», время облачается в республиканские одежды, а новая кратическая реальность требует поименования времени. После этого время на долгий срок становится заложником воли императоров, автократов и космократов, перекраивавших его ткань в угоду державной воле и государственной необходимости. Время столь же привлекательно для власти, как и пространство, желание владеть им — один из базовых мотивов в реформационных и трансформационных предприятиях, организуемых властью и государством.

Полный контроль над временем устанавливается через его кропотливую регламентацию, подчинение ритма и течения культурным стереотипам, социально-политическим иллюзиям и религиозным эсхатологиям. Все это можно объединить в понятие манипулятивной практики присвоения, обновления и осовременивания времени, которое есть продукт социокультурного конструирования, подобно пространству. Присвоение времени превращает его в символический капитал персоны власти или институции: политический агент получает возможность отмерять время по своему усмотрению, извлекая из этой процедуры максимальную выгоду. Обновление времени — следствие и средство осуществления политико-юридических и религиозно-идеологических новаций, заключается в радикальном пересмотре практик отсчета и регистрации времени. Осовременивание — способ заставить время соответствовать измененному миру, стратегия его обновления.

Европейская история знает не только реформы времени, но и реституцию старых временных порядков. Великий ретроград и защитник староримских порядков — император Юстиниан I в 537 году н.э. реанимирует систему летоисчисления по годам правления консулов и императоров (система *post consulatum*). Это мероприятие венчает юстинианов проект реконструкции. Политическая жизнь Юстиниана была подчинена идее восстановления Римской империи в ее пространственных, идеолого-юридических и социально-урбанистических очертаниях. Реконструкция подразумевала возвращение земель как на Западе, так и на Востоке, очищение их от варваров; великое восстановление городов; систематизацию и кодификацию римского права (Кодекс Юстиниана: институции, греческая парафраза, эдикты и новеллы); борьбу с инакомыслящими (языческие неоплатоники) и инаковерующими (христиане-еретики), подрывавшими идеологическое и религиозное единство империи-церкви. Проект был воплощен в жизнь, империя восстановлена не только в пространстве (Средиземное море вновь стало «римским озером»), но и во времени. Гражданское летоисчисление по консулам отодвинуло на второй план даже приоритетный на тот момент христианский календарь. Время превратилось в «имперское» время и оставалось таковым до 10 в.н.э., когда император Лев Философ (886—912 гг. н.э.) издал указ, запрещающий исчисление годов по системе «*post consulatum*».

Институализированная практика летоисчисления по периодам правлений консулов была сохранена при августях, причем традиция поименной «приватизации» отдельных частей года, заложенная Юлием Цезарем нашла своих приемников и подражателей. При Цезаре Августе шестой месяц по старому счету (секстилис) был переименован в август, плюс к этому месяцу был прибавлен один день, изъятый по такому случаю из февраля. Последующие приемники «божественного Августа» не отказывали себе в удовольствии присвоить часть календарного времени: в правлении Тиберия (14—37 гг. н.э.) сентябрь превращается в тибериус; при Домициане (81—96 гг. н.э.) октябрь становится домицианусом; при Антонии Пие (138—161 гг. н.э.) тибериус превращается в антонинус; при Аврелии Комоде (180—192 гг. н.э.) антонинус переименовывается в коммодус. Возникает стойкое ощущение, что люди, облаченные властью, распоряжаются временем как частью имперской собственности, путем ее поименования, придавая ей статус собственности, оспаривая друг у друга не только власть над пространством и подданными, но и над временем (пусть даже в такой фрагментарной форме, как один месяц в году).

Эра² Диоклетиана, одного из самых последовательных и непримиримых противников и гонителей христиан парадоксальным образом связана с ранними христианскими практиками летоисчисления. Эра, берущая начало от правления императора — 29 августа 284 г. н.э., задавала ритм и перспективу александрийскому календарю, по которому велись первые расчеты христианской Пасхи. Использование гонимыми времени мучителя объяснялось его чрезвычайным удобством. Начало диоклетиановой эры приходилось на 1 тога 1 года (29 августа 284 г. н.э.) — первый день не только лунного, но и солнечного календа-

² Понятие «эра» часто интерпретируется как аббревиатура от принятой латинской формулы имперского летоисчисления *ab exordio regni Augusti — aera*.

ря. Оно открывало собой большой девятнадцатилетний цикл, а потому было весьма привлекательно для тех, кто искал нового мира и нового человека.

Опираясь на этот цикл, патриарх Кирилл Александрийский составил Вечный церковный календарь, начало которого и приходится на пороговые даты эры Диоклетиана. Так возник 95-летний пасхальный канон, заменивший собой более ранний, составленный предшественником Кирилла на патриаршем престоле Александрии Феофилом и привязанный к решению Никейского собора³. Стремление к математической точности и астрономической адекватности столкнуло в едином темпоральном пространстве гонителя и его жертв, привязав, их друг к другу, не давая возможности «уйти», «разойтись» в противоположные ценностные миры.

Преодоление изначальной идеологической несовместимости происходит через процедуру «освоения» времени: горькая память о жестоком отношении Диоклетиана к христианам заставляет убрать его имя из летописания, отдав его в распоряжение мучеников за веру. Коптские христиане в Египте, Эфиопии и Судане и по сей день ведут свой календарь как «календарь мучеников». Конструкт «мученичество» в данном случае выполняет тройственную роль. С одной стороны он указывает на сменившегося владельца у времени, с другой — модернизирует его, указывая на актуальность и справедливость «мученичества» и историческую бесперспективность дела самого «мучителя» и, наконец, гармонизирует и согласовывает практику «мученичества» во времени с мученической мессианской жертвенностью Иисуса Христа, открывшего Новую эру через искупительную жертву.

Легализация христианства и его сближение с империей в век Константина Великого приводит к погружению в пучину исторического времени священного новозаветного текста. Сакральность событий, их непреходящий характер ставит непростую задачу — сохранить логику евангелического нарратива в динамической среде времени. Решающую роль в преодолении этой трудности сыграла позиция, занятая императором Константином Великим⁴. Он санкционировал в 325 году н.э. проведение Никейского собора, целью которого стала выработка и утверждение важнейших догматических установлений христианства, направленных на преодоление еретических толкований и раскола. После тринитарных и христологических споров вопрос о христианском летоисчислении был наиважнейшим.

Он стал причиной серьезных разногласий по поводу установления точной даты празднования христианской Пасхи. У христианских общин не было единства по этому вопросу: малоазиатские общины праздновали Пасху как и иудеи 15 нисана, Александрийская церковь отмечала в период с 22 марта по 25 апреля, а Римская — с 20 марта по 21 апреля. Расхождение братьев

³ Пасхальный календарь Феофила был рассчитан на 100 лет.

⁴ Позиция императора Константина определялась его стремлением к всеобщей унификации как империи, так и церкви. Находясь в особой исключительной убежденности актуальности «последнего третьего Завета» — завета Бога и империи (который со стороны империи он лично олицетворял), Константин налагает на себя кураторскую функцию по отношению к церкви: «...для меня нет ничего более важного, чем разрушить все заблуждения и заботиться о том, чтобы все исповедовали истинную религию» (316 г., из письма Константина викарию Африки Цельсу; цит. по Власов С. Константин Великий. М., 2001 г.).

по вере во времени не способствовало единению церкви, а напротив было дополнительным поводом к расколу. Но самое страшное, нарушалась сакральная последовательность евангельских событий, фиксируемых и воспроизводимых в литургической практике.

Поэтому Никейский собор выработал единые правила для вычисления Пасхи и, по сути, ввел новые принципы и систему летоисчисления. Первые расчеты дней празднования христианской Пасхи, в соответствии с решением собора, сделал патриарх Александрии Феофил. По его канону, который был распisan на 100 лет, годы не были отнесены к какой-либо эре, маркированной правлением того или иного исторического агента, а обозначались порядковыми номерами. Это фактически стало началом летоисчисления от персоны Иисуса Христа. Новая темпоральная конструкция, очертания которой были пока едва намечены, открыла для христианина реальность «новой» «нашей» эры.

Фундаментальной идеей никейского установления была необходимость точной фиксации главного христианского праздника Пасхи и связанных с нею переходящих двенадцатых праздников. Проблематичность точной фиксации Пасхалии объясняется исторической привязанностью событийного евангельского ряда, (ориентированного на последние дни Иисуса Христа – 14 нисан – распятие, 15 нисан – иудейская Пасха, 16 нисан – воскресение) к иудейской Пасхе, которая всегда фиксирована по наступлению полнолуния. Однако, математическое несовпадение лунного и солнечного циклов, а вернее накапливающаяся погрешность способна с течением времени полностью разрушить логику новозаветных событий.

Последовательность событий священной истории изложена авторами-евангелистами и закреплена церковным преданием и традицией: все манипуляции со временем направлены на то, чтобы распятие Иисуса Христа неизменно приходилось на канун иудейской Пасхи, а воскресение – на следующий день после нее. Сакральная значимость данной последовательности такова, что не может ни при каких условиях быть изменена или нарушена, так как в противном случае искажается суть новозаветной идеологии: христианская Пасха не должна наступать раньше чем у иудеев, так как в мистико-символическом плане христианская Пасха означает деактуализацию иудейской Пасхи (представленной ветхозаветным жертвенным агнцем) и ее замену искупительной жертвой Иисуса Христа, который явлен как «Агнец Божий», принимающий на себя грехи всего мира и искупающий их через свою мученическую смерть на кресте. Менять местами данные события – означает ничто иное как разрыв Нового Завета в угоду Ветхому, что недопустимо в христианской традиции.

Главным врагом «новозаветной эры» становится время, неизменно влекущее человека от «божественного Завета», естественным образом выталкивая его из чудесной реальности событийного ряда. Природное время (несовпадение солнечного и лунных циклов дает запланированную ошибку раз в 128 лет) противостоит внеприродной вечности, пытаясь лишить ее главного атрибута – стабильности и неизменности. Орудием времени в этом вселенском «поединке» является человек, так как возникает вопрос: в рамках какой логики (логики «царства небесного» или логики «царства земного»)

он будет действовать? С каких позиций он будет принимать «грядущее» во всей его эсхатологической открытости.

На фоне данной дилеммы было принято решение о следовании логики текста, а не логики неба с его светилами и циклами. Событийный евангелический ряд признается единственной стабилизационной конструкцией, исходя из которой выстраивается время мира, даты, числа, периоды — все подчинено изначальной ткани повествования. Священная история выступает в качестве матрицы темпорального континуума, разворачивающегося от прошлого в будущее, к вечности. Время больше не самостоятельная реальность, приходящая в мир и распознаваемая человеком. Отныне время это собственность священной истории, придающее лишь внешнюю динамику и ритмику событиям, находящимся за пределами самого времени.

В раннехристианской парадигме происходит полное освоение времени, его осовременивание, как преодоление зависимости. Формирующееся тотальное христианское мировоззрение (базирующееся на идеи изреченности, открытости и явленности истины в мире) не может довольствоваться частичной или фрагментарной формой контроля над временем (как это было осуществлено в римской имперской практике), его цель полное подчинение времени, а не только его социально маркированных форм. Расходясь с иудейским ветхозаветным канонам, демонстрируя свою независимость от него, христианская практика освоения времени одновременно порывает и с римской имперской традицией, выходя в своих мессианских амбициях на мировую (а скорее и на надмировую) перспективу модернизации времени, как его осовременивания⁵. Будучи одним из первых глобалистских проектов по созданию новой социальной общности — Вселенской Христианской Церкви (преодолевающей этно-конфессиональную изолированность иудейского монотеизма и социальное несовершенство римского империализма), христианство просто нуждалось в ином времени, легитимизирующем и структурирующем «новую» реальность «земли и неба».

Фактическое обретение «новой, нашей эры» произошло примерно в 525 году, тогдашний год был маркирован как Anno Domini (AD) — то есть ему дано было определение «года Господня». Введением новой системы летоисчисления мы обязаны Дионисию Малому, известному канонику древней западной церкви, жившему в 6 в. н.э. По указанию папы Иоанна I он должен был продолжить пасхальные расчеты на ближайшие 100 лет, так как старая пасхальная таблица, составленная еще Кириллом Александрийским должна была быть исчерпана через 6 лет.

Дионисий Малый продолжил канон своего александрийского предшественника и применил для вычисления пасхалии 19-летний лунный цикл Метона вместо использовавшегося до тех пор западной церковью 8-летнего

⁵ Наравне с вопросом о правильной дате празднования Пасхи, церковными соборами устанавливалась и дата Рождества — в 431 году на Эфеском соборе была признана дата 25 декабря. Как отмечают исследователи, данное число чудесным образом совпадает с праздником языческого бога Солнца Митры. Таким образом христианская маркировка накладывается на «ветхие» и языческие «красные дни календаря», втягивая их в свою орбиту, наполняя новым содержанием, смыслом и ритмом.

лунного цикла. Таким образом, системы чтения лет западной и восточной церковью синхронизировались и впервые фактически возник единый христианский темпоральный континуум. Помимо этого, Дионисий окончательно отказывается от использования в летоисчислении «эры Диклетиана», как нежелательного напоминания о язычнике-тиране. Важнейшие даты Дионисий Малый записывает не в годах эры Диоклетиана, а в годах эры «от рождения Христова»⁶. Правда, существует версия, что тот же Дионисий Малый предложил вести летоисчисление «от Воплощения Господня» — «ad Incarnatio Domini», то есть от праздника Благовещения, который уже тогда отмечался 25 марта и один раз за 532 года совпадающий с Пасхой (обозначается как Кирипасха).

В каноне Дионисия Малого время безвозвратно становится «христианским», оно окончательно теряет свой самостоятельный статус, становясь лишь динамической характеристикой новой эсхатологической идеологии. Христианство в конструкте «от рождения И.Х.» отбрасывает регистр «прошлого», закрывает его для исторической, психологической и социальной актуализации и гипертрофированно развивает регистр будущего, представляя его как становящееся настоящее.

Однонаправленность «нашей эры» результат эсхатологической парадигмы, где время — это всего лишь временное — ограниченная длительность в событийном ряду евангелического повествования, открывающего человеку горизонты вечности («воскрешение», «жизнь вечная», «царствие божье на земле»). Практика освоения и осовременивания времени (фактические его модернизации), реализованная Дионисием Малым, есть не что иное, как предъявление к нему (времени) «новых» требований — соответствовать измененному миру, соответствовать реальности, в которую «вошла истина спасения». Время больше не может и не будет таким как прежде, так как ему положен предел, границы его определены, а ход его подчинен логике литургии: астрономия покоряется теологии.

P. S. Изъяны «нашего времени» впервые заметили византийцы. В 1324 году Нокифор Григора и в 1373 году Исаак Аргир осознали необходимость исправления времени. Но в Византии новый календарь не был введен, поскольку ученые роем полагали это занятие бесполезным в мире, который стоит на пороге светопреставления. Отмеренные миру 119 лет можно прожить и без «нового времени». Впрочем, срок, отпущенный самой византийской империи, оказался куда короче. Христианам, пережившим конец Византийской империи, с 1582 года, на основании буллы папы Григория XIII, называемой «*Inter gravissimas*» — по первым словам указа «Среди важнейших задач...», повелевалось считать 5 октября — 15. Западный мир перешел в Новое Время.

⁶ В России летоисчисление по системе Дионисия Малого было введено уже упоминавшимся выше указом Петра I, которым предписывалось вместо 1 января 7208 года «от сотворения мира» считать 1700 годом «от рождения господина бога и спасателя нашего Иисуса Христа».